

ПРОЛОГ

Все было без толку. Зуб болел как три тысячи чертей. Уже третий день сводя с ума. Станислав Крячко, несчастная жертва этой боли, сидел на кухне, подперев щеку рукой, и с тоской глядел на стоящий перед ним стакан с раствором соды, который ему заботливо приготовила жена. Забота была напрасной, Крячко это понимал. Он перепробовал уже все на свете и чувствовал, что сода поможет ему как припарка мертвецу.

Зуб начал заявлять о себе еще в ночь на понедельник, когда Станислав собирался как следует отоспаться перед рабочей неделей после удачно проведенных выходных — тесть предложил съездить на зимнюю рыбалку. Время оказалось подходящим: как раз с пятницы на субботу ударили морозы. Станислав с удовольствием согласился, и все воскресенье — дождавшись, когда лед схватился покрепче, — они с тестем провели возле лунок. И хотя улов оказался весьма скромным — всего-то с десятков мелких окуньков, которых

жена, отказавшись готовить, высыпала в миску коту, — оба рыбака остались довольны.

Понедельник для Крячко начался кошмаром. Мало того что сыщик не мог уснуть всю ночь из-за острой зубной боли, она не прекратилась и под утро. Жена и дочь хором советовали Стасу отправиться в стоматологическую поликлинику, однако он только отмахивался. Аргументов не приводил никаких, но на всяческие убеждения, уговоры и даже умеренные угрозы домочадцев реагировал отказом, надеясь, что «пройдет само».

Ночью боль была особенно невыносимой, и Станислав своим нытьем и жалобами на жизнь выносил мозг не только жене, но и сыну с дочерью, так что те обрадовались и вздохнули с облегчением, когда под утро глава семейства заявил, что отправляется на службу. В душе Крячко надеялся, что за рабочими делами он забудется и боль утихнет сама собой. В МВД он появился в половине седьмого утра и сразу направился в кабинет, сообщив дежурному, что его ждут неотложные дела.

Спустя полчаса Станислав сидел на своем рабочем месте с крайне грустным выражением лица. Еще бы — он не мог работать в таких условиях, все его внимание было сконцентрировано на боли. Злосчастный зуб решительно не собирался проходить ни при каких

условиях. Хотя условия Станислав обеспечил ему самые благоприятные: заварил крепкого чая, предусмотрительно без сахара, добавил в него щепотку мяты, мешочек с которой перед выходом ему сунула жена, сказав, что эта трава успокаивает. Однако ни чай, ни мята не оказывали на зуб ожидаемого благотворного влияния.

Никаких обезболивающих таблеток у Станислава не было, поэтому он сидел и тихо стонал в ожидании своего друга и коллеги полковника Льва Гурова. Но тот, всегда пунктуальный, на этот раз словно нарочно задерживался.

Спустя несколько часов Крячко уже не мог терпеть ужасную боль, поэтому полез в ящик стола своего напарника. К его огромной радости, в закромах Льва нашлась пачка дорогого импортного обезболивающего, которое привезла ему недавно из зарубежных гастролей жена-актриса — «на всякий случай». Решив, что тот самый случай как раз наступил, Крячко достал сразу две таблетки и жадно проглотил их, запив водой из графина. После чего сел в кресло и стал ждать, когда хваленое средство начнет действовать.

На его счастье, спустя всего десять минут боль и вправду немного утихла. Пусть не совсем, но измученный Крячко был рад и этому. Довольный, он даже открыл одно из дел

и начал перелистывать документы, прихлебывая чай все того же Льва, разумно оставив свою собственную заварку про запас. Но счастье Станислава оказалось недолгим: очень скоро обезболивающее прекратило свое действие и к сыщику вернулась знакомая и все такая же невыносимая боль. Крячко принял суровое и, по его мнению, единственно верное решение — выпить еще пару таблеток.

...Через полтора часа в кабинете наконец-то появился Гуров. Увидев унылую физиономию своего напарника, он с ухмылкой спросил:

— Что, Стас, заработался?

— Заработаешься тут, — сквозь сомкнутые зубы процедил Крячко. — зуб болит, сволочь, хоть на стену лезь. Болит и качается... И, Лева, я у тебя, это...

— Что — это?

— Позаимствовал немного обезболивающего.

Лев недовольно окинул взглядом Крячко и направился к своему столу. Он слишком хорошо знал друга и поэтому сразу, по виноватой интонации Стаса, заподозрил неладное. Выдвинул ящик. Из недавно целой упаковки дорогого обезболивающего на него жалобно смотрела всего одна таблетка.

— И это ты называешь позаимствовал немного? — возмутился Лев.

— А что мне было делать? — пошел в наступление Крячко. — Терпеть боль? Помирать, да? Прямо на рабочем месте! Неужели тебе для друга жалко каких-то таблеток? Ну, дожили!

Крячко разорвался минуты четыре, подобно капризной дамочке, пока острая пульсирующая боль не заставила его замолчать. Тут вступил Гуров:

— Стасик, они вызывают сильное привыкание и от зубной боли не помогают! И вообще они аллергенные.

— А я не аллергик! Зато зуб переставал болеть!

Гуров посмотрел на своего друга с сочувствием и убедительно проговорил:

— Стас, сходи лучше в больницу и удали этот зуб — делов-то! Тем более что он у тебя все равно качается, сам говоришь.

— Ни о каких больницах и речи быть не может! — категорично заявил Крячко с видом полководца, решившего во что бы то ни стало отстоять осажденный город.

— Тогда иди в аптеку, — пожал плечами Гуров. — Покупай обезболивающее.

— В наших аптеках только разоряться, — недовольно пробурчал Крячко. — Эти производители лекарств совсем оборзели! Можно подумать, что они их из золота делают!

— Ну тогда терпи и не ной, — подвел итог

Гуров и уселся за стол, вытянув свои длинные ноги.

Крячко недовольно посмотрел на напарника, посопел и хотел было уткнуться для отвода глаз в бумаги, но тут зуб дернуло с такой силой, что Станислав замычал, вскочил со стула и, сдернув с вешалки раздутую от долгой носки куртку, пулей вылетел из кабинета. Выйдя из здания, он двинулся в ближайшую аптеку, благо идти было недалеко.

В аптеке ему сказали, что новокаин, который он выбрал как один из самых недорогих препаратов, от зубной боли не спасает, если только его не уколоть непосредственно в десну, а от этого Крячко отказался сразу. Пришлось, скрипя зубами, разориться на упаковку дорогого обезболивающего.

После полудня Крячко понял, что и это лекарство ему не помогает, а значит, деньги потрачены зря. Настроение сыщика упало ниже плинтуса. Просто сидеть и терпеть Станислав больше не мог, поэтому решил пройти по отделу и разузнать у коллег, как справиться в таких критических ситуациях.

Зайдя в соседний кабинет, он увидел майора Феофанова, пожилого уже оперативника, сидевшего за столом и судорожно перебивавшего гору дел.

— Коля, день добрый. — Крячко приветствовал майора с такой миной, что даже сле-

пой увидел бы, что добрым этот день для Стаса точно не был.

Майор Феофанов был зрячим, но под лавиной свалившейся на него писанины не заметил несчастного вида Крячко.

— Станислав! Добрый-добрый! — рассеянно отозвался майор, на секунду оторвался от своих бумаг и пожал Крячко руку. — Поздороваться зашел или по делу? Что-то на тебе лица нет? Что стряслось? — Феофанов наконец обратил внимание на болезненную гримасу на лице полковника.

— Да и поздороваться, и по делу. Слушай, у меня такая деликатная проблема. У меня дико болит зуб — никакого спасения!

— Ну и в чем проблема? Сходи к врачу, там залечат.

— Вот вы все одно и то же талдычите! Да не доверяю я нашим врачам! Ты же знаешь, забесплатно они только испортить могут, а не вылечить!

— Ну и что ты тогда хочешь? — удивился Феофанов.

— Ну, может, ты знаешь способы, как немного успокоить боль? — задумчиво посмотрел в потолок Крячко.

Феофанов сделал загадочное лицо и произнес:

— Знаешь, мне кажется, я могу тебе помочь. Есть одно проверенное средство...

— Ну?! — воскликнул Крячко. — Какое?!

— Когда у меня болел зуб, я его коньяком полоскал. У тебя есть спирт?

— Нет у меня спирта, я на работе не пью.

— И зря! Ну, в смысле, зря спирта нет. Одно из лучших лекарств, меня бабка с детства им лечила.

— Оно и видно, — хмыкнул Крячко, поднимаясь. Совет Феофанова показался ему стоящим. И как он сам не догадался про спирт? Вернейшее же средство от всех болезней!

«Это все зуб, собака! — с досадой на потраченное впустую время подумал Крячко. — Совсем мозги мне вышиб!»

— Ты не смейся, — покачал головой Феофанов. — Спирт на нерв попадает, оглушает его, и тот затыкается на время, пьяный и довольный. А если делать так регулярно, он окончательно помрет.

— Да понял я, понял! — махнул рукой Крячко, направляясь к двери.

— Эй, ты куда? — окликнул его Феофанов.

— К экспертам пойду, спиртом разживусь, — отозвался Крячко. — И как я раньше не догадался?

— погоди с экспертами, — остановил его Феофанов, открывая ящик стола. — Спирта у меня, к сожалению, нет, однако есть вот

что. — Майор порылся в столе, побряхтел и достал бутылку с мутноватой жидкостью: — Вот!

— Что это? Самогон? Ты шутишь? — присвистнул Крячко, возвращаясь к столу.

— Это не просто самогон! Это самогон, который делает моя бабушка! А моя бабушка фигню не сделает! — радостно изрек Феофанов и со стуком поставил бутылку на стол. — Угощайся! Самогон — чистый как слеза, зуб даю! Моя бабушка его всю жизнь гонит — на пшенице, клюкве, даже на черносливе! Натурпродукт! Тут погрешности быть не может! Не пожалеешь!

— Что ж я, пьяный буду ходить с утра пораньше? — ломался Крячко.

— Ну не хочешь пьяным — ходи больным, — обиделся Феофанов, собираясь убрать бутылку обратно, но Крячко ловко перехватил ее.

— Я тебе, между прочим, говорил не пить, а полоскать, — напомнил Феофанов.

— Ладно, ладно! Но, Коля, смотри у меня! — притворно погрозил ему пальцем Крячко. — Если начальство меня уволит за пьянку на рабочем месте — будешь мне платить из своего оклада, да-да!

— Ну да! — ухмыльнулся Феофанов. — Вас с Гуровым уволишь! Вы сами себе начальство!

— Не завидуй, — сказал Крячко, провор-

но пряча поллитровку за пазуху. — В общем, спасибо, Коля, но если что...

— Удачи, Стас! — перебил его Феофанов и вернулся к своим делам.

Войдя в свой кабинет и поставив бутылку на стол, Крячко поймал на себе удивленный взгляд Гурова.

— Что, решил с горя о потраченных деньгах напиться и забыться? — Лев едва сдерживал улыбку.

— Не напиться, Лева, а лечиться! Чувствуешь разницу? Этим зуб полоскать надо, деревня! — недовольно ответил Крячко и достал рюмку. — Понял? По-ло-скать! — по слогам повторил он, дунул в рюмку, наполнил ее до краев и с удовольствием поглядел на просвет. — Есть мудрая пословица: «Не пьянки ради, а здоровья для!» Ее же не зря придумали, верно?

Станислав опрокинул в рот первую рюмку, тут же, под дикий смех Гурова, налил вторую, быстренько пополоскал зуб и тоже проглотил. Самогон и вправду пился очень легко, и, к огромной радости Станислава, спустя пять минут зубная боль действительно прошла. На лице Крячко появился здоровый румянец, настроение подпрыгнуло до небес.

— Видишь, Лева, помогает! Всё, приступаю к работе!

Н. Леонов, А. Максеев

■ Однако через полчаса процедуру пришлось

повторять, ибо действие алкоголя очень быстро сошло на нет. Гуров со смехом наблюдал за этой картиной, однако Крячко было уже все равно — боль стихала, и в эти моменты он был просто счастлив. Дело шло на ура: Станислав наполнял рюмки «по наперстку», как сам выражался, опрокидывал и блаженно крякал.

Время до обеда прошло для него незаметно. Он, правда, не работал, а наслаждался жизнью, с определенной периодичностью принимая очередную дозу «лекарства».

— Стас, идешь на обед? Есть хочу — умираю! — прервал его «процедуры» Гуров.

— Да, пойдем, Лева, — отозвался Крячко.

Поднимаясь со стула, Станислав заподозрил неладное. Ноги и руки его практически перестали слушаться, голова предательски кружилась, а тело просилось обратно на стул.

Лев дико заржал, подхватил под руки товарища и сказал:

— Все, теперь ты точно вылечился. Давай-ка я тебя домой отвезу.

Крячко был пьян вусмерть. Самогон оказался не только лечебным, но еще и крепким. Девяносто градусов, принимаемые хоть и «по наперстку», зато с завидной регулярностью, предательски сломили стойкий организм Крячко. Он был вынужден отправиться домой на гуровской машине прямо в объятия

жены. Та не очень радостно отреагировала на возвращение своего супруга в таком состоянии, однако ругать и отчитывать не стала, а просто уложила в кровать, где он благополучно продрых до следующего утра.

Во вторник утром проблем только прибавилось. Мало того что зуб болел по-прежнему, так теперь сыщика еще и похмелье посетило — голова трещала и кружилась, во всем теле ощущалась противная слабость. То ли «натурпродукт» оказался не совсем «натур», то ли Станислав употребил его слишком много, да еще без закуски и не позавтракав с утра. Принятое на голодный желудок спиртное на другое утро напомнило о себе очень настойчиво: Станислава мутило и трясло. Да еще этот зуб!

В таком состоянии отправляться на работу сыщик не рискнул, начал донимать жену, чтобы она дала ему любого алкоголя, хотя бы в малой дозе. Сам Крячко спуститься в магазин был не в состоянии.

Наталья идти за водкой отказывалась, но Крячко не отставал. Когда жене надоело шутить про стремительно развивающийся алкоголизм мужа, она отыскала бутылку ликера и презентовала его Стасу со словами:

— На, пей! Ничего другого у меня нет! К празднику берегла.

Н. Леонов, А. Максеев

■ Станислав выпил две рюмки празднично-

го напитка, но от зубной боли не избавился, наоборот, сахар, содержащийся в ликере, проник в канал — боль стала просто нестерпимой. Что делать дальше, он не знал, к врачу идти не хотел, решил отправиться на работу, чтобы одолжить у Феофанова еще немного «лекарства». Теперь надо было избавляться уже от двух болей: зубной и головной.

Однако по приезду в Главное управление прямо у дверей его встретил Гуров. Спросил, как дела, повел друга в кабинет. Крячко по дороге стонал и жаловался на зуб и похмелье. Он уже собирался завернуть к кабинету Феофанова, когда Гуров остановился и властно произнес:

— Так, Стас! Стоп! Хватит! Ежедневно напиваться на рабочем месте я тебе не дам. Во-первых, мне не улыбается работать за двоих, во-вторых, еще меньше мне улыбается ежедневно транспортировать твое бездыханное тело домой. Я тебе не бесплатное такси.

— Лева, я только одну рюмку! — простонал Крячко. — Только боль унять! Болит, зараза, голова сейчас треснет!

Однако Гуров не внял мольбам Крячко, заварил ему крепкого кофе, пожертвовал последнюю таблетку обезболивающего и усадил за стол. Сам же отправился к генерал-лейтенанту Орлову, строго-настрого запретив Стасу употреблять алкоголь на работе.

— Лично проконтролирую! — обернулся Лев на пороге.

Крячко утвердительно закивал, однако, едва за Гуровым закрылась дверь, он досчитал до десяти, выскочил из кабинета и короткими перебежками побежал к кабинету Феофанова, все время оглядываясь назад: не выглядывает ли из-за угла коварный Гуров?

Феофанов не то чтобы сильно обрадовался визиту Крячко, но еще одну бутылку ему презентовал. Сунув «лекарство» за пазуху, Стас направился обратно в свой кабинет, весело насвистывая. От предвкушения «натуртерапии» у него заметно улучшилось настроение.

Но вот незадача — вездесущий Гуров уже поджидал Крячко в кабинете. Лев извлек из-за пазухи «больного» друга бутылку самогона и вернул ее майору, строго-настрого запретив приходить на работу с подобными «гостинцами», а для пушей убедительности пригрозил начальством.

Станиславу ничего не оставалось делать, как снова направиться в аптеку...

Весь день он промаялся, глотая одну за одной таблетки, и к обеду вообще перестал что-либо соображать. Толку от него на работе не было никакого, и Гуров, плюнув, отпустил Крячко домой, заявив, чтобы тот воз-

вращался на службу только после визита к стоматологу.

К стоматологу Крячко, конечно, не пошел. Вместо этого он завернул к тестю, предварительно купив в магазине бутылку водки. Тесть возражать не стал, и они в отсутствие тещи благополучно «уговорили» пол-литра. Хотели продолжить, но очень некстати вернулась теща. От дочери она уже была наслышана о проблеме зятя и предложила позвонить своей хорошей знакомой, стоматологу на пенсии, которая иногда принимала пациентов на дому и лечила их «совсем-совсем не больно!».

Станислав, перепугавшись не на шутку — теща была человеком решительным, — поспешно заявил, что зуб у него уже совсем прошел. Тогда теща разогнала веселую компанию, отправив зятя домой.

Трусливое вранье Стаса в итоге обернулось против него самого: к стоматологу «по знакомству» он не попал, клиники уже были закрыты, оставалось разве что отправиться в круглосуточную, но там с Крячко содрали бы три шкуры в денежном эквиваленте.

Сейчас он сидел на кухне с перевязанным лицом и понуро смотрел в окно. На дворе был уже час ночи, а Стас даже не сомкнул глаз. Открыв холодильник в поисках алкоголя, он нашел только ромашковую настойку

и пресловутый ликер, от одного вида которого ему стало еще хуже. Попробовал залить в зуб несколько капель настойки, но тут же, матерясь, выплюнул. Нет, так больше продолжаться не может. Станислав направился к компьютеру в надежде найти в Интернете действенные способы лечения зубной боли на дому.

Пролистав несколько страниц и проанализировав информацию с различных медицинских форумов, Крячко выбрал, на его взгляд, самое подходящее средство. Нужно было приложить к щеке около больного зуба дольку чеснока, хорошенько натереть кожу и замотать полотенцем. Этот способ оказался Крячко простым и самым верным, благо чеснока в доме имелось предостаточно.

Совершив процедуру, Станислав прилег на диван и стал ждать, когда начнет действовать чеснок. Но прошел час, а боль не утихла. Зато на щеке появилось подозрительное красное пятно, от прикосновения к которому сильно жгло кожу. Было похоже на ожог. Крайне недовольный результатом лечения, Станислав понял, что придется идти в ближайшую круглосуточную аптеку. Самому идти было лень. В голове мелькнула мысль — разбудить сына.

Домашние давно уже спали, и если бы ■ Стас разбудил жену, то тут же получил бы

в свой адрес «пару ласковых». Однако и сына будить было жалко: тот в последнее время очень плотно налег на учебу и спать ложился рано, около одиннадцати часов. Жена очень радовалась и всячески поощряла действия сына. Если бы отец поднял его посреди ночи и послал в аптеку, мать была бы этим крайне недовольна.

Выбора не было — пришлось собираться самому. Пропитав вату ромашковой настойкой и приложив ее к больному зубу, Станислав, кряхтя, оделся и вышел из дома. На улице было холодно и скользко. Крячко передвигался мелкими шажками, опасаясь поскользнуться и растянуться на тротуаре.

«Днем было плюс два! — с негодованием думал Крячко. — Почему же сейчас так холодно?»

Этой ночью снежные улицы не радовали сыщика. Возможно, он просто не любил зиму. Хотя истинной причиной такого отношения к погоде была, конечно же, зубная боль. Ничто не радует, когда болит уже не только зуб — вся ротовая полость горит огнем! Да что полость, еще немного — и серыми брызгами взорвется мозг!

Станислав шел, держась рукой за больную щеку, ожог на которой он намазал увлажняющим кремом. От этого щека мерзла и болела еще сильнее. Крячко терпел и только тихо

постанывал. Он знал, что скоро будет аптека, где он купит обезболивающее, которое прекратит на время его мучения. Он успеет дойти до дома, ляжет и уснет. А завтра? Опять то же самое?

Но он не думал об этом. Вообще сложно о чем-либо думать, когда у тебя болит зуб. Поэтому в данную минуту он жил мечтой, что сможет унять эту боль хотя бы на короткий промежуток времени. Однако Станислав все же осознавал, что долго так продолжаться не может. Зуб уже начинал пошатываться, но выпадать пока не собирался. Скорее всего, к стоматологу идти все-таки придется...

Но пока можно было хоть как-то терпеть, сыщик категорически отказывался от этой затеи, не беря во внимание никаких аргументов даже для самого себя. Станислав сильно боялся зубоврачебного кресла еще с детства, с той поры, когда в их школе работала препротивнейшая врачиха, лет которой было, по тогдашним прикидкам Стаса, около ста, и которая, по его же убеждению, обладала садистскими наклонностями. Вообще все стоматологи, в представлении Стаса, имели садистские наклонности.

В аптеке была очередь — целых три человека! Такой расклад Крячко не устраивал. Зубная боль вконец измучила его, и не было

■ таких сил, которые удержали бы Стаса в его

стремлении пробраться к окошку без очереди. Он тронул за плечо ближайшего покупателя:

— Разрешите?

К нему обернулся крепкий мужчина лет сорока пяти и понимающе спросил:

— Что, зуб?

— Угу, — ответил Крячко, явно без всякого желания разговаривать.

— Какой?

— Нижняя четверка, — сквозь сомкнутые губы процедил Станислав. Любопытство мужчины начинало его бесить.

— И что, шатается?

— Ммм, — только и смог промычать Крячко, пробираясь к окну.

Стас и предположить не мог, что дело примет неожиданный оборот. Мужчина крепко взял его за плечи, резко развернул лицом к себе, посмотрел в глаза, примериваясь, и сильно двинул кулаком в челюсть... Неожиданный удар свалил сыщика с ног.

Крячко потерял дар речи, а заодно и все остальные чувства. Спустя несколько секунд он почувствовал, что чувства постепенно к нему возвращаются. Тогда он попытался осмотреться. В глазах плыли фиолетовые круги, которые затмевали реальную картинку. Немного болела челюсть. Однако зубная боль... постепенно утихала. Спустя пару секунд зре-

ние окончательно вернулось к нему. Станислав испытывал двоякое чувство. С одной стороны, он горел от злости и хотел отомстить обидчику, с другой — очень радовался, что зубная боль практически прошла.

Посмотрев в лицо «исцелителю», Стас не увидел в нем ни тени злобы. Мужчина улыбнулся и помог Крячко подняться.

— Все? Не болит?

— Не болит, — осторожно потрогав щеку, с удивлением констатировал Крячко. — Действительно, не болит! — повторил он радостно. — Слушай, как ты его вылечил?

Мужчина усмехнулся.

— Сплюнь, — посоветовал он. — Платок есть?

Крячко вначале не понял, но послушался. Он достал из кармана смятый носовой платок и сплюнул в него. Вместе с кровянистой слюной изо рта выпал больной зуб!

— Ты что, его вышиб? — изумился Стас, не зная, радоваться или огорчаться.

— Ну конечно, ты же сказал, что он шатается. Чего терпеть-то? В больнице за эту процедуру деньги сдерут, да еще потом от анестезии отходить. Ну, и ждать-бояться, пока выдернут. А тут секунда — и готово! Без шума и пыли, как говорится.

Крячко все еще не мог поверить в случившееся. Но факт оставался фактом: на его ла-

дони лежал зуб, который еще недавно изводил своей болью. Теперь это был не его зуб, а посторонний мертвый предмет.

— А если не тот выбил? — не успокаивался Крячко.

— Тот, тот, — успокоил его собеседник. — Не дрейфь. Я в таких делах толк знаю. И не промахиваюсь.

— Так, мужчина, вы лекарства покупать будете? — строго обратилась к ним фармацевт за стеклянной витриной.

— Да, — новый знакомый Крячко шагнул к окошку.

Аптекарша отпустила ему нужные препараты и обратилась к Стасу:

— А вы?

— А я... А мне, наверное, уже ничего не надо! — радостно сообщил тот.

— Фурацилин купи, — посоветовал ему «лекарь». — Прополощешь дома для дезинфекции.

Крячко выяснил, сколько стоит фурацилин, порадовался, что недорого, выгреб из карманов и выложил перед аптекаршей мелочь. Сунув флакон в карман, он повернулся к выходу.

— Тебе куда? — поинтересовался собеседник.

— Туда, — махнул Крячко вперед. — Насколько кварталов пилить...

— Ну пойдем, провожу немного. Нам все равно по пути.

Вместе они двинулись вдоль улицы. Мужчина представился Анатолием.

— Рядом живешь? — полюбопытствовал Крячко.

— Нет, работаю. Во-он там, в охране. — Анатолий показал рукой на ночной клуб. — А ты?

— Да я... — неопределенно отозвался Крячко. — Аптека ближайшая, круглосуточная. Слушай, а как у тебя так ловко получилось? Нет, зубы выбить, если что, я тоже могу. Но чтобы вот так точно?

— Опыт, — улыбнулся Анатолий. — Я на «Скорой» санитаром шесть лет отпахал, а это кое-чему учит!

— Да ну? А что сейчас не по специальности работаешь?

— А у тебя много друзей по специальности работает?

Крячко промолчал. Его лучшими друзьями были полковник Гуров и генерал-лейтенант Орлов из Главного управления МВД, и они-то как раз работали по специальности. Но Крячко не стал об этом распространяться.

Так, за разговором, они дошли до перекрестка. Анатолий протянул Крячко руку:

— Ну, бывай! Только, если зуб заболит, ты

к врачу иди. В следующий раз может не повезти — меня не встретишь.

— Заметано, — улыбнулся Крячко. — Спасибо!

Анатолий махнул рукой и повернул к клубу. Крячко двинулся к своему дому. Он уже не замечал ни холодного ветра, ни гололедицы под ногами. Душа его пела и смеялась.

Дома Станислав допил прямо из бутылки стоявший в холодильнике ликер, который уже ничем не мог ему повредить, и завалился спать, хмельной и совершенно счастливый...

ГЛАВА 1

Полковник Лев Гуров выехал на работу утром, которое, впрочем, еще только наступало — над городом стояли предрассветные сумерки. Неудивительно, на дворе была первая половина декабря. Вообще погода предполагала два варианта: остаться дома, включить торшер и засесть за интересную книгу, не обращая внимания на морось и хмарь за окном, либо, приехав в главк, погрузиться в кабинетную работу, опять же при уютном свете.

На Москву сыпал мерзкий полуснег-полудождь. Полковник хмуро смотрел на дорогу сквозь мерные рывки дворников на лобовом стекле автомобиля.

В самом начале рабочего дня ничто не предвещало того, что Гурову сегодня придется выезжать из главка. Совершенно обычным выглядел и звонок генерала Орлова — он, по своему обыкновению, в это время проводил что-то вроде планерки. Гуров только после этого звонка обнаружил, что рядом нет его

постоянного напарника Станислава Крячко. Но тут же вспомнил, что Стас еще вечером прислал СМС, где жаловался на свой взбунтовавшийся зуб.

Немного помедлив, Гуров набрал сотовый номер друга. Ответил механический голос, сообщивший, что аппарат абонента выключен. Гуров предположил, что именно в этот момент Крячко занимается зубом, возможно даже, с помощью стоматолога. Решив не мешать Стасу в этом нужном деле, Лев спокойно отправился к генералу Орлову.

Генерал-лейтенант выглядел озабоченным. Гурову это не понравилось, поскольку могло означать только одно: появилась серьезная работа. И работа не слишком приятная...

Профессию свою полковник Гуров не просто любил — он считал ее для себя единственно возможной. Никем иным, кроме как сыщиком, он себя не представлял.

— Садись, Лева, — бросил Орлов и тут же оговорился: — Собственно, садиться даже необязательно. Потому что известно немного, а неизвестное узнаешь на месте.

«Все-таки придется ехать», — раздраженно подумал полковник, бросив взгляд на окно.

В кабинете Орлова оно было закрыто каскадом горизонтально спадающих жалюзи, скрывая таким образом царившую на улице погодную мерзость.

— А что случилось? — уточнил Гуров.

— Человек найден мертвым в частной гостинице, — Орлов посмотрел в лежавшую перед ним бумагу, — «Аркада».

— Это где? — уточнил Гуров.

— Вот тебе адрес. — Генерал-лейтенант протянул бумагу.

«Дальше, видимо, Гугл в помощь», — пронеслось в голове полковника.

— Огнестрел? — коротко спросил он.

— Нет, — ответил Петр Николаевич и, помолчав, добавил: — Там вообще непонятно что. Найден мертвым, без следов насильственной смерти.

Гуров чуть удивленно поднял брови:

— Так, а при чем здесь мы? Пусть разбираются те, кто на земле.

Орлов посмотрел на полковника, затем отвел взгляд в сторону и принялся перебирать бумаги на столе. Так он поступал всегда, когда хотел избежать прямого ответа.

— Надо проверить, — неопределенно проговорил он. — Кстати, а где у нас Крячко? В принципе это больше его работа.

— Да Крячко... — Гуров махнул рукой. — У него зуб болит. Не приехал еще. Поеду сам.

— Зуб?! Сколько он у него может болеть? — сердито заворчал Орлов. — Давно выдрать надо, к чертовой матери! Он что, у врача так и не был?

— Ты что, Крячко не знаешь? — пожал плечами Гуров.

— В общем, так! Как появится, скажи, что я ему домой стоматолога пришлю с этим, как его... аппаратом по выдергиванию зубов. А лучше со щипцами! Знаешь, как раньше фельдшеры в деревнях зубы драли? И без всякого обезболивающего! А в качестве анестезии деревянную колотушку использовали! Тюк по лбу — и вот тебе общий наркоз! Так вот я такого специалиста к Крячко и отправлю! И еще наряд, чтобы не вырвался! — пригрозил Орлов.

Гуров рассмеялся, представив стоматолога с колотушкой в одной руке и жуткими щипцами в другой, выпученные от страха глаза Крячко и двух молчаливых полицейских, готовых зафиксировать Стаса, чтобы тот не мешал спасительной экзекуции...

— Кто этот мертвый, известно?

— Известно. Зовут Олег Никонов. Профессия — журналист. Постоянно проживает в Москвореченске, — сжато, как на докладе, проинформировал генерал-лейтенант.

Гуров изогнул бровь.

— А по каким делам приехал в Москву?

— А вот это неизвестно, — тут же отозвался Орлов. — Видимо, по журналистским.

— А почему он остановился в частной гостинице? От Москвореченска до столицы

полтора часа езды. Для чего ему здесь селиться? Не проще ли сделать свои дела и вернуться домой? Номер в частной гостинице небось недешево стоит. Или у нас провинциальные журналисты стали хорошо зарабатывать? Я, конечно, искренне рад за них, но что-то мне в это слабо верится, чтобы порадоваться от души!

— Лева, Лева! — укоризненно покачал головой Орлов. — Ты заговорил прямо как Крячко! Он на тебя дурно влияет. Что это за меркантильные штучки: «Недешево, сколько зарабатывают»?

— Это не меркантильные штучки, а вполне резонные вопросы, — возразил Гуров. — Я бы, например, не стал останавливаться в Москвореченске, а вернулся бы в Москву на машине.

— Бензин нынче тоже недешев! — отрезал Орлов. — Может, ему так выгоднее получалось? Или человек хотел поселиться с комфортом? А не мотаться туда-сюда по расквашенной дороге зимой!

Гуров в сомнении покачал головой.

— В общем, езжай, — подвел под разговором черту генерал Орлов. — На месте разберешься. — Но когда Гуров подходил к дверям кабинета, генерал-лейтенант окликнул его уже другим тоном:

— Лева...

Гуров обернулся.

Орлов протирал мягкой бархатной тряпкой снятые очки.

— Ты только там аккуратненько поработай. Ладно, Лева? — просительно проговорил Орлов.

Гуров не стал уточнять, что значит «аккуратненько», поскольку понял, что, скорее всего, распоряжение заняться проверкой журналиста, найденного мертвым в гостинице «Аркада», исходит не от Орлова. Ему, похоже, самому позвонили и велели провести проверку. Так что неопределенное словечко «аккуратненько» включало в себя целый спектр понятий — от просьбы проявить весь свой профессионализм до предостережения проявлять его сверх меры, дабы в служебном рвении не раскрыть того, чего не требовалось.

Гуров, опытнейший сыщик, хорошо знающий изнанку работы в правоохранительных органах, уже смекнул, что целью его нового расследования является некая разведка — прощупать, понять, что там произошло, доложить свои выводы начальству, дабы оно, в свою очередь, сделало собственное заключение — такое, которое устроит всех. Что ж, к подобным вещам Гурову было не привыкать, и хотя он не одобрял их, но Орлову кив-

нул в знак того, что все понял и сделает в соответствии с полученными указаниями.

Гуров вышел из кабинета, держа в руках бумагу с адресом частной гостиницы «Аркада». Он слегка поежился, представив, что снова придется идти по мокрому, расквашенному тротуару Петровки, а потом по пробкам, глядя на мутно мерцающие светофоры, пробираться к указанной в бумаге улице. В глубине души он даже позавидовал Крячко, сидевшему сейчас в кресле стоматолога. Гуров был почти уверен, что после перенесенных страданий Стас непременно потребует себе больничный, а зная его умение включать обаяние и располагать к себе людей, когда ему это выгодно, нисколько не сомневался, что больничный он получит. Следовательно, в ближайшие два дня в главке он не появится, будет отлеживаться на диване в тепле и сытости.

* * *

Частная гостиница «Аркада» представляла собой здание постройки начала нынешнего века — аккуратненький трехэтажный особнячок, стоящий в окружении хрущевок, поликлиники и шиномонтажа. Гуров открыл дверь гостиницы и в вестибюле увидел знакомого эксперта Григория с неизменным чемоданчиком, который беседовал с каким-то

человеком. Это был мужчина средних лет, невысокого роста, с крупной залысиной и довольно симпатичными чертами лица. Держался он с большим достоинством, говорил размеренно, выделяя каждую фразу интонационно.

Полковник подошел к ним, поздоровался за руку с экспертом, а перед незнакомым мужчиной развернул удостоверение.

— Полковник Гуров Лев Иванович, ГУВД Москвы, — представился он.

— Полянский Владимир Игоревич, — в свою очередь, отрекомендовался мужчина. — Директор гостиницы.

— Ну, давайте показывайте, рассказывайте... Что случилось? — Эти рутинные вопросы за свою карьеру Гурову приходилось задавать тысячи раз.

— Случилось просто непредвиденное, непредвиденное! — делая акцент на последнем слове, сказал директор. — Это вопиющая ситуация! Я не первый год на административной должности, но с таким сталкиваюсь впервые!

— Вы уверены, что человек мертв? — осведомился Гуров, которого в первую очередь волновал именно этот вопрос.

Лев тоже был далеко не первый год на своей службе, и ему не единожды доводилось сталкиваться с ситуацией, когда мертвый на

первый взгляд человек оказывался человеком без сознания. В большинстве случаев вовремя оказанная медицинская помощь неизменно возвращала потерпевшего к жизни. Гуров в душе надеялся, что нынешний случай из той же серии.

Полянский застыл. Видимо, подобное не приходило ему в голову.

— Ну, я, конечно, не врач... — медленно проговорил он. — Но все же...

— Где человек? — коротко спросил Гуров.

Полянский немного нервно выбросил вперед руку, указывая на коридор, отходивший от вестибюля влево.

— Прощу! — произнес он, приглашая.

— Пойдемте, — сказал Гуров, и они вместе с экспертом последовали за Полянским.

Директор гостиницы дошел до двери и хотел было уже открыть ее, как вдруг отдернул руку и повернулся к Гурову:

— Лев Иванович, а можно прикоснуться-то к ручке? А вдруг отпечатки?

Гуров вместо ответа вынул из кармана платок, обернул им дверную ручку и таким образом сам открыл дверь.

Это был стандартный гостиничный номер среднего уровня — комната с большой кроватью, шкафом, тумбочками и телевизором. Справа была дверь, ведущая в санузел.

В комнате стояло кресло, в котором в не-

естественной позе сидел, запрокинув голову, молодой мужчина. Одна рука лежала на подлокотнике, другая безжизненно свисала вниз. Гуров посмотрел на эксперта, тот поднес палец к шее молодого человека, затем оттянул веко.

— Мертв, — коротко резюмировал он.

— Мы тоже так делали, — проговорил Полянский. — Если бы сомневались, то позвонили бы не в полицию, а в «Скорую».

Кажется, директор гостиницы испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, он был удовлетворен, что поставил верный диагноз и не зря побеспокоил полицию; с другой — ему, разумеется, очень бы хотелось, чтобы человек оказался живым. Или уж на крайний случай умершим естественной смертью.

Перед креслом на журнальном столике стояли бутылка вина и почти пустой бокал. Невозмутимый Григорий осмотрел место происшествия и привычным движением раскрыл свой чемоданчик. Низенький Полянский осторожно выглядывал из-за плеча высокого Гурова, следя за действиями эксперта.

— А кто его обнаружил? — спросил Гуров.

— Горничная, — ответил Полянский. — У нас горничные утром должны убираться в номерах. Вот она в девять пятнадцать утра и постучала. Ей никто не ответил. Она постучала настойчивее, — Владимир Игоревич по-

высил голос, — но результата не было! Тогда горничная открыла дверь своим ключом, и вот, — директор показал на сидящий в кресле труп, — обнаружила... Естественно, она была в ужасе, прибежала ко мне, а я только-только появился на работе. Я тоже прошел в номер, потрогал его, как вот... ваш сотрудник, — он кивнул на эксперта, — и понял, что молодой человек, к сожалению, мертв, и тут же набрал полицию.

Гуров оглядел комнату. Ни следов борьбы, ни какого-нибудь другого беспорядка не наблюдалось.

— Документы его на месте? — спросил полковник.

— Не знаю, мы не смотрели, — развел руками Полянский. — Лазить по вещам постояльцев не в наших правилах! — заключил он с гордостью за весь персонал.

— Как его зовут? — уточнил Гуров, сверяя информацию с данными, полученными от Орлова.

Он знал, что нередко люди останавливаются в гостиницах под вымышленными именами, хотя в России эта практика не так распространена, как, например, на Западе: все-таки в большинстве подобных заведений принято требовать документы, а не верить клиентам на слово.

■ — Олег Никонов, — ответил директор го-

стиницы. — По крайней мере, он зарегистрировался именно так, предъявил паспорт.

— А вещи его где? — спросил Гуров. — Видели?

Полянский лишь указал на лежавшую на соседнем кресле сумку. Она была совсем небольшой, фасона планшет. Гуров открыл ее и стал проверять содержимое. Директор в этот момент стыдливо отвел глаза, словно ему было неприятно присутствовать при подобном осмотре.

В сумке не обнаружилось ничего интересного. А главное — не было документов. Гуров подошел к телу, над которым уже колдовал эксперт.

Лев тщательно осмотрел карманы погибшего. Из внутреннего достал паспорт в синей кожаной обложке и журналистское удостоверение на имя Олега Никонова. Водительских прав не было.

— А где его машина? — обратился он к Полянскому.

— Он приехал без машины, — ответил тот. — Возможно, добирался поездом.

— Возможно, — согласился Гуров и проверил боковые наружные карманы. В одном из них он действительно нашел билет на электричку.

— Он говорил, откуда приехал? — спросил полковник.

Полянский наморщил высокий лоб.

— Да, кажется, говорил, что откуда-то из Подмосковья — Можайска, Москвореченска... Точно не помню.

— Когда заселился?

— Позавчера, ближе к вечеру.

— Он у вас первый раз появился или бывал до этого?

— Нет, впервые, — покачал головой Полянский. — Оплатил номер за три дня.

— А с какими целями прибыл?

— Этого я не знаю. У нас не принято проявлять излишнее любопытство.

Гуров помолчал, бросил взгляд на эксперта, который, не обращая ни на кого внимания, занялся своим делом, и спросил:

— А другие постояльцы? Они все здесь или кто-то съехал после происшествия? И кстати, сколько их?

— Так, давайте по порядку, — отозвался обстоятельный Полянский. — Всего у нас двадцать номеров: двенадцать на первом этаже и восемь на втором. Сейчас заселено восемь номеров — пять на первом и три на втором. На первом этаже, собственно, остаются четыре номера. В одном проживает гражданин Польши, в другом — командированный из Сибири, в третьем — семья из трех человек, в четвертом — пожилая дама из Петербурга.

— Это все ваши постоянные клиенты?

— Ммм, не совсем. Командированный, по-моему, уже третий раз у нас — ему здесь нравится.

При этих словах у директора стало такое лицо, словно он хотел продемонстрировать те огромные усилия, которые прикладывает персонал, чтобы клиенты, раз побывавшие в «Аркаде», обязательно переходили в разряд постоянных, то есть в дальнейшем останавливались только в здешних номерах.

— Пожилая дама появилась впервые, — продолжал Полянский. — Поляк приехал по каким-то бизнес-делам, он у нас по рекомендации одного знакомого, уже второй раз за полгода. Что касается семьи, то они долго с нами списывались по Интернету, спрашивали про условия — им очень важно, чтобы было спокойно, уютно и чтобы был первый этаж. У них ребенок инвалид-колясочник. Мы наконец обо всем договорились, забронировали номер, и неделю назад они приехали. Собираются в следующем году посетить нас снова, уже летом, и мы очень на это надеемся. Лев Иванович, теперь вы понимаете, насколько для нас важна репутация!

— Да-да, я понимаю. Давайте я их опрошу, а вы попросите остальных, чтобы задержались, — сказал Гуров.

Полянский замялся, шаркая ногой.

— Что такое? — поднял бровь Гуров.

— Лев Иванович, а нельзя как-нибудь обойтись без опроса хотя бы этой семьи? — с чрезвычайно доверительными интонациями заговорил директор. — Я же вам объяснил: нам очень важно сохранить свое лицо.

Полянский смотрел на Гурова просящим взглядом, всеми силами стараясь включить сыщика в группу сочувствующих. Гуров усмехнулся про себя и заговорил с Полянским на его языке. Предельно вежливо произнес:

— Владимир Игоревич, вы, я вижу, человек, привыкший проявлять уважение к чужим интересам.

— Безусловно! — с чрезвычайно гордым видом кивнул Полянский. — Безусловно!

— Прошу меня внимательно выслушать, — продолжал Гуров.

— Весь внимание, — с готовностью кивнул директор гостиницы.

— Вы, как директор гостиницы, очень заинтересованы в сохранении интересов своих постояльцев. А я... — Гуров сделал многозначительную паузу. — Заинтересован в раскрытии преступления. Понимаете? У меня тоже есть свои интересы, вполне законные. И я был бы очень вам признателен, — Гуров невольно скопировал манеру Полянского, — если бы вы уважали мою позицию и позво-

лили провести расследование так, как я считаю нужным.

Полянский на секунду застыл, осмысливая услышанное, после чего утвердительно кивнул:

— Понял вас!

— Так, пожалуйста, попросите остальных задержаться, — повторил Гуров и повернулся к одной из дверей.

Полянский тут же подошел и аккуратно постучал.

Первым перед Гуровым предстал гражданин Польши. Дверь он открыл, держа в руках электробритву. Это был мужчина средних лет и среднего телосложения.

— Доброе утро, пан Ольшевский, доброе утро, — с преувеличенной доброжелательностью поздоровался с постояльцем Полянский. — Вы слышали, у нас произошло несчастье? — Это сообщение директора гостиницы шло вразрез с его приветствием.

— Нет, — покачал головой поляк.

— Вы выходили из номера сегодня утром? — спросил Гуров.

— Нет, — снова коротко ответил постоялец. — А в чем дело?

Он смерил Гурова оценивающим взглядом, потом посмотрел на Полянского. На лице директора гостиницы читался целый

свод извинений. Однако он молчал, предоставляя право задавать вопросы полковнику.

— Дело в том, что ваш сосед из номера напротив был найден сегодня мертвым, — сообщил Гуров.

— Напротив? — переспросил поляк и вопросительно уставился на полуоткрытую дверь номера, за которой суетился эксперт. Потом он снова посмотрел на Гурова: — Полиция? — полувопросительно-полуутвердительно сказал он.

— Да. Вы встречались с ним, видели его?

Пан Ольшевский недоуменно переводил взгляд с Гурова на Полянского и обратно.

— Там никто не был, — с четко выраженным акцентом выговорил он.

— То есть вы никого там не видели? — переспросил Гуров.

Поляк отрицательно покачал головой. Было видно, что Ольшевский не очень хорошо владеет русским и вообще чувствует себя не в своей тарелке. Он бесцельно вертел в руках бритву и пожимал плечами. Всем своим видом постоялец выражал желание помочь следствию, но не знал как. Гуров решил, что от поляка вряд ли можно добиться чего-то еще, и направился к следующей двери.

— Здесь семья, Лев Иванович! — склонив голову, доложил Полянский. — Ребенок в инвалидной коляске.

Его полный укора взгляд, по всей видимости, должен был призвать полковника вести себя предельно корректно, если уж тот совершает такую бестактность — беспокоит семью с больным ребенком.

Директор гостиницы постучал в комнату. Дверь открыла женщина средних лет.

— Здравствуйте, Ирина Николаевна, — Полянский приложил руку к груди. — У нас, к сожалению, небольшие проблемы. Но вы не волнуйтесь, вас это не должно беспокоить.

— А что случилось? — сразу же взволновалась Ирина Николаевна. За ее спиной показался мужчина.

— Что произошло? — спросил он.

— Это непредвиденное обстоятельство, — с видом человека, озабоченного прежде всего репутацией своего заведения, заговорил Полянский. — В номере наискосок от вас умер человек.

— Господи боже мой! — сразу же воскликнула женщина. — Как так?!

— Мы как раз выясняем, как это произошло, и вот полковник из Главного управления задаст вам несколько вопросов. Я надеюсь, это не займет много времени. Мы непременно компенсируем вам сегодняшнее беспокойство, — проговорил Владимир Игоревич.

— Вы видели постояльца из этого номе-

ра? — спросил Гуров, указывая на дверь, за которой находился труп Никонова.

— Нет, — пожала плечами Ирина Николаевна. Вслед за ней то же самое сделал ее муж, но менее уверенно.

— По-моему, я его видел, — как бы вспоминая, произнес мужчина. — Молодой человек, ничего особенного...

— А что-нибудь слышали ночью? Шум, подозрительные звуки?

— Нет, мы спали.

В этот момент в коридор на инвалидной коляске выехал мальчик лет четырнадцати.

— Дима, ты куда? Езжай обратно в комнату! — засуетилась мать.

Однако мальчик не послушался и с интересом стал вникать в разговор.

— Кого убили? Молодого парня? — вдруг спросил он.

Мать с отцом как по команде осуждающе посмотрели на сына. Но он не обратил на них внимания и пристально уставился на Гурова в ожидании ответа.

— Да, — ответил полковник, — из номера напротив вашего. А что, ты видел что-нибудь?

— Да что он может видеть?! — вступился отец. — Он же на коляске передвигается!

— Так-то он у нас совершенно нормальный, — поспешила добавить Ирина Николаевна, — только с ногами вот беда...

— А можно посмотреть на него? — спросил мальчик, перебивая родителей.

— На кого? — удивился Гуров.

— На того, кого убили...

— Дима, это что такое?! — заголосила мать. — Ты что это вздумал, а?! Ну-ка, быстро езжай в комнату!

— Никого ты смотреть не будешь, — решительно сказал отец. — Разворачивай коляску!

В этот момент дверь номера Никонова открылась и на пороге возник эксперт:

— Лев Иванович, я там кое-что обнаружил...

Гуров уже собирался последовать за экспертом, когда за его спиной снова раздался голос Димы.

— Это там его убили? — спросил мальчик, вытягивая руку в направлении открытой двери. — В том номере?

— Да, — резко обернувшись, ответил Гуров.

Мальчик неожиданно схватил полковника за рукав и энергично затряс рукой:

— Но он совсем не сюда входил! А вот сюда!

И показал на соседнюю с номером Никонова дверь. Гуров нахмурился.

— Ты что, видел, что он сюда входил?

— Да, — уверенно заявил подросток. — Именно сюда!

Гуров повернулся к директору гостиницы. ■

Полянский, казалось, готов был прожечь несчастного мальчика-инвалида глазами, превратить его в радиоактивный пепел... Впрочем, возможно, полковнику это показалось... Все равно надо будет проверить...

— Владимир Игоревич, а кто у вас занимает этот номер? Или... занимал?

— Этот номер никто не занимал! — делая акцент на слове «никто», ответил Полянский.

— А кого ты видел? Кто сюда заходил? — Гуров повернулся к Диме.

— Молодой парень, высокий такой...

Гуров нахмурился еще больше — убитого Никонова нельзя было назвать высоким.

— Да не слушайте вы его! — Мать Димы решительно втиснулась между сыном и полковником. — Понизив голос, она сказала Гурову: — Он же инвалид! Детективы всякие читает, я все время у него книжки эти отбираю... Вот и придумывает невесть что.

— Ты правда видел, что молодой парень входил в эту дверь? — повысив голос, спросил Гуров у Димы, попутно отметив ходившие желваки на лице директора гостиницы Полянского.

Полковник понимал, что, скорее всего, в этом случае устами младенца глаголет истина, он лицо абсолютно не заинтересованное, чего нельзя сказать о взрослых. Директору лучше скрыть, что кто-то у него зани-